

MEMORY TURN: ПРОЯВЛЕННАЯ БИОЭТИКОЙ БРЕННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

И.В. Мелик-Гайказян
Томский государственный
педагогический университет

melik-irina@yandex.ru

На основе информационно-синергетического подхода обнаружены условия брэнности интеллектуальных традиций (результат выполнения проекта РФФИ № 11-06-00160). Это требует нового диалога с памятью культуры, или memory turn, который современная философия стихийно совершает в процессе биоэтических исследований (результат выполнения проекта РФФИ № 10-06-00313). Концепция memory turn позволяет установить общенаучную актуальность решаемых биоэтикой проблем (результат выполнения проекта РГНФ №12-03-00198).

Ключевые слова: memory turn, биоэтика, информационно-синергетический подход, актуальность множественности биоэтики.

В своей динамике культура переживает состояния, в которых опыт прошедшего имеет различную ценность и актуальность. Это, например, подтверждают выводы Маргарет Минд о взаимосвязи темпа переменчивости жизни и способов трансляции опыта¹. В стабильных состояниях наследие прошлого чрезвычайно востребовано, поскольку младшие поколения учатся у старших, а в префигуративных состояниях опыт старших поколений утрачивает свою актуальность, так как эти старшие вынуждены учиться у младших. В состояниях, всецело устремленных в будущее, ценности прошлого уже не входят в этический контекст выбора цели. Происходит ситуативный отбор ценностей для «обслуживания» преследуемой цели. Старшие поколения вынуждены менять свои аксиологические одежды, отказываясь от привычного в прошлом

«костюма», который младшие поколения не успели сносить.

Каждая культура испытывала смену подобных состояний и в находимых самобытных способах преодоления данных состояний создавала (или теряла) свой уникальный образ, воплощающий ее ментальные основания. Если проследить исторические траектории этих преодолений, то можно обнаружить, что в состояниях сильной социальной неустойчивости особую силу приобретает феномен мечты. Мы привыкли связывать мечту с полаганием желаемого будущего. Олицетворением такой мечты стали утопические идеи, выдвигающие проекты социальных переустройств и антропологические идеалы, что было началом каждой самобытной эпохи культуры. Но у мечты есть еще одно «лицо». Оно обращено к прошлому. Создание новых мифов выражает способ компенсировать тяготы жизни в изменчивом настоящем и фиксирует мечтание об обрете-

¹ Минд М. Культура и мир детства / сост. и предисл. И.С. Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

нии желаемого прошлого. Каждый раз, когда жизнь обманывает наши ожидания, мы с легкостью так выстраиваем события прошлого, что обретаем утешительную иллюзию своей самореализации или непогрешимости в прошлом. Подобное действие компенсаторной функции культуры становится наиболее заметным в периоды слома привычных условий жизни. Последствиями этих сломов становятся неизбежные перестановки акцентов в интерпретации прошедшего, что обогащает культуру опытом и формирует интеллектуальные традиции – традиции вопрошания и поиска ответа, понимания блага и правильной жизни, разделения природного и надприродного, принятия прошлого и будущего, создания символизма и восприятия его воздействий etc.

Вся сумма традиций обнаружила свою брэнность в период «осевого времени», когда произошел переворот в осознании человеком «бытия в целом, самого себя и своих границ»². В XX веке перечисленные феномены были еще раз подвергнуты коренным изменениям. Глубину трансформаций подтверждает серия поворотов, совершенных философией, для осознания последствий того прорыва в науке, который сделал действительностью ничем не сдерживаемое конструирование человека, реальности его жизни и ее границ. Биоэтика в явном виде диагностировала главнейшую и беспрецедентную новацию нашего времени, вызванную потенциалами вариативного конструирования человека человеком в отсутствии релевантных этических императивов³.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: Политиздат, 1991. – С. 33.

³ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 16–28; Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 4. – № 5. – С. 7–19.

Технологии общества знаний синхронизировали распространение всех научных инноваций и в принципиальной степени изменили темп их экспансии в повседневность. Однако этот темп не стал темпом динамики культуры. Этот темп не способен выдержать процесс восполнения этического дефицита, возникающего в столь резкой трансформации действительности. Исследования же темпомиров в эволюции сложных систем привели к выводу, который можно выразить простыми словами: тот, кто опережает, вынужден будет либо вернуться, либо дожидаться тех, кого опередил⁴.

Сложность положения в том, что нам некуда возвращаться и некого дожидаться, поскольку в ситуации, в которой рациональная компонента вызванной динамики резко опережает создание адекватного опыта переживания прошлого и настоящего, оказались все социокультурные системы. Одним из путей создания «защитного пояса» традиции в нынешнее «осевое время» может стать *memory turn* – поворот, стихийно совершенной биоэтикой, к новому переживанию памяти и опыта культуры⁵. Проблему составляет обнаружение траектории этого поворота и понимание условий действия традиций.

У каждой из ныне живущих культур была своя дорога и собственные «правила дорожного движения», выражающие семиотику культуры. Синхрония, обеспеченная современными средствами коммуникаций,

⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиров. – СПб.: Алетейя, 2002.

⁵ Мелик-Гайказян И.В. Диагностика *memory-turn* или биоэтическое измерение проблем профессионального образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 244–247.

наметила для всех культур один путь, а движение по нему сопровождается перемешиванием всей нормативной символики. Данное смещение приводит не столько к унификации, сколько к эклектике интеллектуальных традиций и, казалось бы, к беспорядочной множественности их семиотических выражений.

Проявление феномена множественности

Стимулом для представляемых в данной статье рассуждений стали две, на первый взгляд, тематически далекие друг от друга публикации, принадлежащие М.К. Палату⁶ и П.Д. Тищенко⁷. Между тем указанные работы обнаруживают идейную близость, которая выражена в их подходах к феномену *множественности*. В статье М.К. Палата эта множественность обнаружена в принципиально отличных между собой способах построения прошлого как интеллектуального ресурса для конструирования настоящего и будущего – «у нас есть три различных феномена, которые легко смешиваются между собой: долгоживущие менталитеты, прошлое, как оно запомнилось, и изученная история»⁸. Формами, воплощающими перечисленные способы, являются, соответственно, традиции и стереотипы культурной идентичности, «коммуникативная память» и «социальная память», идеологические проекты и исследовательские программы в истории как области науки. Сам феномен множественности М.К. Палатом специально не

обсуждается, но легко заметить, что «точками роста» сложной конфигурации социокультурной реальности становятся эти формы конструирования восприятия настоящего и полагания будущего. Сотворение будущего сопровождается модификацией знания о прошлом («история бесконечно перерабатывает прошлое, чтобы создать будущее»⁹) и созданием своеобразного чувства прошлого («память – это прошлое, которое ощущается как вечное настоящее»¹⁰), которое сохраняет идентичность группы («касты, класса, племени, расовой группы, определенной общины или нации»¹¹), «в то время как все вокруг постоянно меняется»¹². Темп же изменений, вызванный «благодаря инновациям в науке и технологиям», сделал самоочевидными два обстоятельства. Во-первых, при обретении человеком независимости в своих действиях от диктата природы свобода этих действий получает толкование, «совершенно отличное от того, которое содержалось в теологических учениях о свободе воли»¹³. Во-вторых, «чем больше возможность планирования будущего, тем больше неопределенного как результат планируемых действий»¹⁴. Позиция этого автора о необходимости разграничения истории, принадлежащей сфере знаний, и памяти, принадлежащей сфере опыта и чувства, столь весомо подтверждена им анализом парадигмальных движений в методологических подходах к интерпретации прошлого и столь элегантно изложена, что к ней трудно что-либо добавить, а можно лишь подхватить и продолжить.

⁶ Палат М.К. История и память // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 56–69.

⁷ Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. – СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011. – 328 с.

⁸ Палат М.К. Там же. – С. 68.

⁹ Там же – С. 61.

¹⁰ Там же – С. 57.

¹¹ Там же – С. 64.

¹² Там же – С. 60.

¹³ Там же – С. 61.

¹⁴ Там же – С. 61.

В книге П.Д. Тищенко множественность тезаурусов и стереотипов, живущих в границах культурных менталитетов; традиций прошлого, укорененных в настоящем; различных траекторий в истории нормативных систем – представлена в контексте биоэтических проблем, то есть в антропологическом преломлении. Философское содержание биоэтики связано с организацией особого диалога (диалога как «продуктивного инакомыслия»¹⁵) между множеством позиций для поиска выхода из конкретной экзистенциальной ситуации конкретного человека и трактовкой самой сути множественности позиций, сталкивающихся в биоэтическом диалоге¹⁶.

Множественность создает вариативное сочетание компонентов той нормативности, на которую указывает само слово «биоэтика», то есть этики и биомедицины. И если этика создает устойчивые традиции интеллектуального опыта, приходящие из прошлого и из этого прошлого организующие действительность настоящего, то в биомедицине традиции врачевания, с трудом принимающие инновации, дополняются разработкой и внедрением новых технологий, конструирующих человека и его будущее. Но не только последствия технологического замещения естественного в человеке искусственным (искусственное в зарождении жизни и в ее прекращении, искусственное в обуздании эмоций и в трансплантологии, искусственное достижение телесного идеала etc.) составляют предмет биоэтики. Основное ее беспокойство сосредоточено на утрате актуальности интеллектуальных традиций, составляющих наследие культуры. Можно сказать, что подобно тому как беспокой-

ство от встречи с неопределенным будущим породило футурологию, так беспокойство от утраты прошлым своей определенности породило биоэтику. Эта утрата вызвана перемешиванием интеллектуальных традиций в коммуникативной действительности современной культуры, между множественными сочетаниями которых биоэтика и призвана выстраивать диалог. Следует акцентировать, что этот диалог ведется не между правильными и ошибочными позициями и не между частично верными позициями, а между *разными* позициями, все из которых в одинаковой мере являются справедливыми.

Условием диалога биоэтики становится готовность к интеллектуальному балансированию на границах инакомыслящего, инаковерующего и инакочувствующего для того, чтобы, *услышав* иную позицию, совершить «челночное возвратное движение»¹⁷ к исходному (или промежуточному) пункту своего суждения и ввести в собственное осмысление то, что до столкновения с конкретной ситуацией входило в различие собственной и иной позиции. «Удерживать это различие в самой мысли и означает – открыть и сохранить в себе, и *предложить* в своем слове другому саму возможность инакомыслия»¹⁸. Причем для понимания условий совершения «возвратного движения» стало необходимым выявление археологии философских оснований биоэтики¹⁹. Потребность в исследованиях, аналогичных археологическим исследованиям, уже относит философские основания биоэтики к пластам интеллектуальных традиций, хранимых в памяти культуры. Но необходимость «раскопок» прежде всего продиктована требованиями био-

¹⁵ Тищенко П.Д. Указ. соч. – С. 7–8.

¹⁶ Там же. – С. 246–252.

¹⁷ Там же. – С. 8.

¹⁸ Там же. – С. 8.

¹⁹ Там же. – С. 200–307.

этического диалога и поиском ответа на главный вопрос биоэтики: «как возможно мыслить инако-мыслие»²⁰. Биоэтика, таким образом, заставляет философию расстаться с «покровительственной ролью» по отношению к не-философскому знанию для работы в «режиме *непритязательного философствования* (Ю. Хабермас)»²¹.

Подобное смирение отличает диалог, востребованный биоэтикой, от диалога как формы существования самой философии. Это помогает понять конкретность каждой ситуации, решаемой в биоэтическом диалоге, поскольку его прагматика исключает вердикт, выносимый страдающему человеку, в выражениях «ты не прав», «ты виноват в том-то и том-то», «раньше надо было думать», «а если бы два года назад, было бы сделано то-то и то-то» etc. Человеку, находящемуся на грани жизни и смерти, бессмысленно предъявлять обвинения, давать советы в сослагательном наклонении и предлагать решения, которые исходят не из его понимания блага.

Итак, мы имеем дело с множественностью онтологий, стыкуемых биоэтикой в ее попытках непротиворечивого соединения различных традиций в пространстве диалога, и с множественностью эпистемологических позиций в исследовании формирования взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, то есть – самих традиций.

Поскольку биоэтика актуализирует поиск возможностей для преодоления границ, порождаемых феноменом множественности, то стоит сфокусировать внимание на способе превращения границ *из линий раздела в линии сопряжения*. В качестве такого способа удобны модели. Они представляют не действительность, а

только ее срез, оптимальный для характера исследования. Это в принципиальной степени отличает модель от действительности. Эффективность модели определяет ее потенциалы для обнаружения скрытых механизмов в изучаемом объекте, которому в данном случае принадлежат традиции и память культуры. Точнее – брэнность традиций и множественность воплощений памяти.

Моделирование механизмов социокультурной динамики как метод исследования

Основой построения модели социокультурных систем стала трактовка механизмов динамики этих систем как отдельных стадий информационных процессов: совершение событий, запускающих инновации, как результат стадии генерации информации, память – фиксации и хранения информации, традицию – трансляции информации²².

Такой подход выглядит лапидарной формой, редуцирующей богатство проявлений жизни культуры и ее антропологических конфигураций, но достигает своей цели – обнажить скрытые механизмы самосотворения этого богатства множественности в сухой схематичности и простоте модели.

Есть два обстоятельства для оправданности реализуемого метода исследования. *Первое* из них связано с преодолением парадигмальных различий гуманитарных наук и естествознания. Это различие, в частности, отмечено и в статье М. Палата. «Подходы гуманитарных наук и естественных к своему объекту должны быть различными, пер-

²⁰ Там же. – С. 15.

²¹ Там же. – С. 7–8.

²² Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука: Физматлит, 1998.

вые относились к уникальным действиям человека, а вторые – к явлениям, регулярно повторяющимся в природе»²³. Данное различие перестало существовать с последней трети XX века после того, как естествознание включило в свой объект события и их следствие – необратимость времени. Одним из источников парадигмального сдвига стало воплощение философии процесса А.Н. Уайтхеда в программу конкретно-научных исследований, что было впервые сделано И.Р. Пригожиным²⁴. Ядро философии процесса составляет категориальное разграничение *бытия*, *действительности* и *реальности*, которое было выдвинуто А.Н. Уайтхедом: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности. Универсальный процесс представлен А.Н. Уайтхедом чередованием двух видов процессов: микроскопического процесса (или сращения) и макроскопического процесса (или перехода). Первый вид процесса – телеологический, на котором происходит «сращение» многих сущностей, вызывающее создание новой «актуальной сущности» или совершение «актуального события»²⁵. Второй вид процесса – «это переход от достигнутой актуальности к актуальности в достижении»²⁶, что тождественно конституированию действительности (или реальности), детерминированного результатом превращения по-

тенциального в актуальное. Итак, существует сфера возможного – бытие, существует актуализированный вариант потенциального – действительность, существует вариативное воплощение действительности – реальность; бытие, действительность и реальность трактуются – есть макропроцессы, отделяемые друг от друга актуальными *событиями* как результатами микропроцессов.

Благодаря исследовательским результатам нелинейной динамики (в отечественной литературе эта область фундаментальных исследований часто именуется синергетикой) сложилась новая телеология, где роль целей играют аттракторы, а события трактуются как «действительные происшествия», обладающие тремя характеристиками – они в принципиальной степени случайны, изменяют темп и направление дальнейшей динамики сложных систем. Уникальность каждого события сопоставима с тем, что в синергетике или в нелинейной динамике называют бифуркациями, а в динамической теории информации – генерацией информации. Итак, генерация информации в качестве события вызывает нарушение симметрии между прошлым и будущим, то есть необратимо изменяет дальнейшую последовательность «действительных происшествий».

Произошедшее – от бытия к реальности – представляет для исторических реконструкций один путь. Этот путь история исследует в обратной перспективе – от реальности к бытию – и создает множество интерпретаций одной траектории в процессе отбора значимых фактов для объяснения того, «как это было на самом деле». На самом деле на этом пути произошли события, необратимо отсекающие множество одинаково вероятных дорог. Воспоминания же, помимо релаксации, создают

²³ Палат М.К. Указ. соч. – С. 62.

²⁴ Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. – М.: Наука, 1985; Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1994.

²⁵ Уайтхед А.Н. Процесс и реальность; сост. И.Т. Касавин // Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 297.

²⁶ Там же. – С. 302.

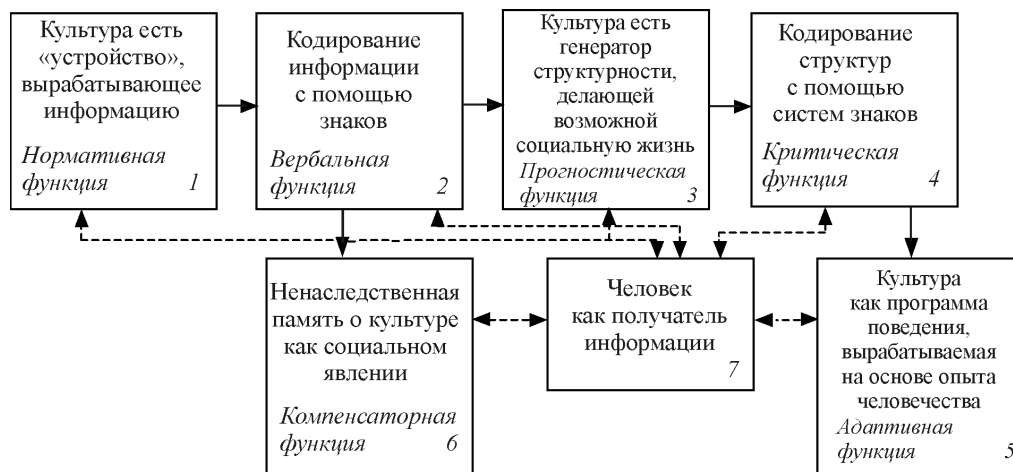
возможность прагматической апелляции к прошлому для выбора того из прецедентов опыта, что обладает актуальностью для отбора своих действий в настоящем. Заметим, что отбор и выбор – это процессы, по сути своей являющиеся информационными.

Вторым обстоятельством, входящим в обоснование предлагаемого метода, стало выявление свойств феномена информации²⁷, в состав которых включено свойство брэнности, обусловленное разрушением ее материального носителя. Но процессуальная трактовка информации позволяет выяснить иные, не столь очевидные, условия необратимой утраты информационных воплощений.

Понимание феномена информации как процесса, чередующего телеологические и детерминистические этапы, восходит к философии А.Н. Уайтхеда, а установленная корреспонденция свойств информации с конкретными стадиями информационного процесса определяет подход к построению

моделей механизмов самоорганизации сложных систем, в том числе – социокультурных систем. Таким образом, суть информационно-синергетического подхода составляет взаимосвязанность трех положений: феномен информации есть необратимый во времени процесс; начало процесса есть случайный результат спонтанного события; информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем. Каждое положение выражено в специально разработанных концептуальных моделях, а их сочетание составляет метод решения задач в междисциплинарных исследованиях нелинейной динамики сложных систем. Одно из подобных сочетаний для исследования так называемых «человекомерных» систем в свое время стало самостоятельной моделью (рисунок)²⁸.

Данный рисунок, представляющий модель, требует пояснений. Во-первых, слагаемые семиотического механизма культуры, выявленные Ю.М. Лотманом и

Модель информационных процессов в нелинейной динамике социокультурных систем

²⁷ Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. – Пуццино: АН СССР, 1991.

²⁸ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука: Физматлит, 1998.

Б.А. Успенским²⁹, были представлены в качестве *результатов* отдельных стадий информационного процесса. Основанием для столь вольного обращения с выводами крупнейших представителей семиотического подхода к исследованию культуры было то, что в данных ими дефинициях компонент семиотического механизма присутствовала кибернетическая терминология. Эти дефиниции дали название всем блокам модели.

Во-вторых, последовательность стадий информационного процесса была впервые³⁰ определена не в кибернетической, а в синергетической парадигме, что стало основанием включения в эту последовательность стадии генерации информации (*блок 1* на рисунке) как события в принципиальной степени случайного, изменяющего направление и темп всей дальнейшей динамики. Постнеклассическая парадигма стала основанием для утверждения о необратимой во времени последовательности стадий информационного процесса, что выражено в направленности стрелок, нарисованных сплошными линиями, между блоками.

В-третьих, на основе установленной корреспонденции этапов самоорганизации и стадий информационных процессов каждый блок модели выражает определенную фазу нелинейной динамики: *блок 1* связывает преодоление системой хаотического состояния и стадию генерации информации; *блок 2* – фиксацию выбранных вариантов нового порядка и кодирование информа-

ции; *блок 3* – формирование новых структурных уровней системы (усложнение при самоорганизации или упрощение при самодезорганизации) и трансляцию информации, а *блок 6* – «память» об устойчивых состояниях и хранение информации; *блок 4* – формирование структур-аттракторов и построение оператора как способ достижения цели; *блок 5* – достижение аттрактивного состояния и редупликацию информации; *блок 7* – воздействие макросостояния системы на элементы системы и рецепцию информации.

Выражение в модели социокультурной динамики в качестве информационного процесса поясняет следующий пример. Каждая из религиозных систем возникла на определенном толковании того, что есть благо (*блок 1*). Идея благой жизни фиксировалась (*блок 2*) в тексте (например, Тора, Библия, Коран etc). Текст определял как ритуализированную этику (*блок 6*), так и в случае его трансляции в социальную жизнь – новую структурную организацию (*блок 3*). В свою очередь, новая структурность требовала воплощения в соответствующих знаковых системах. Создавались либо новые способы или операторы социального действия, либо происходил «переворот в символизме»³¹ (*блок 4*). Целью воплощения в жизнь новой идеи блага во всех случаях было научить человека жить и поступать правильно, то есть создание модели поведения идеального человека (*блок 5*). При этом у реальных людей каждой самобытной эпохи был свой спектр впечатлений от предлагаемого блага и реакций на способы правильной жизни (*блок 7*). Итак, модель в схематичной форме выражает способ соединения семиотического, информацион-

²⁹ Лотман М.Ю., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи в 3 т. – Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993. – С. 326–344.

³⁰ Мелник-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация (методологический анализ). – Томск: Изд. ТПУ, 1998.

³¹ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. – Томск: Водолей, 1999. – С. 43.

ного и синергетического подходов. Следует подчеркнуть, что и этапы формирования кода культуры (*блок 2*) и символизма как оператора социального действия (*блок 4*) соответствуют двум событиям – событию, определяющему действительность, и событию, определяющему множество реальностей как вариантов восприятия действительности.

В-четвертых, модель выражает структуру социокультурных функций, что достигнуто на основании установленной корреспонденции между свойствами информации и их проявлениями на конкретных стадиях информационного процесса³². Траектории воздействия этих функций в графике модели на рисунке выражены пунктирными линиями, а направление воздействия – стрелками, обращенными к «человеку как получателю информации» (*блок 7*). Названия функций – нормативная, вербальная, прогностическая и компенсаторная, критическая, адаптивная – вписаны в те блоки модели, которые «несут» ответственность за возникновение этих функций.

Такое распределение функций позволяет с помощью модели проводить диагностику социокультурных трансформаций. Иллюстрацией этого служит пример, изложение которого будет начато не с *блока 1*, а с *блока 4*, то есть с этапа совершения события, отделяющего реальность от действительности, понятих в трактовке А.Н. Уайтхеда.

Появление «эстетики без искусства» стало выражением «переворота в символизме», вызванного вторжением феномена hi-tech в социокультурную действительность. Ил-

люстрацией этого явления служат две выставки. В стиле science-art и в духе анатомического театра на выставке «Bodies The Exhibition» в США были представлены экспонаты, сконструированные из тел умерших людей. Специальная обработка позволила в духе анатомического театра воспроизвести, например, «Мыслителя» или «Дискобола», и зритель мог видеть все подробности положения скелета, мышц и органов человека, застывшего в позах, цитирующих знаменитые творения Родена и Мирона. В духе hi-hume (комплекс новых гуманитарных технологий, созданный для управления высокотехнологичным производством и продвижения продуктов hi-tech) была организована выставка «20 suits for Europe», которая состоялась в Бельгии, Венгрии и Испании. По замыслу кураторов выставки, 20 платьев, созданных ведущими дизайнерами модной одежды, символизируют 20 великих романов мировой литературы. Обе выставки выражают действие *критической функции* (*блок 4*), сигнализирующей о том состоянии современной культуры, в котором только зрелищная форма преподнесения шедевров способна вызвать интерес. Частные примеры двух выставок соседствуют с общей трансформацией ведущих мировых музеев в некие центры, объединяющие «под одной крышей» музей с магазинами художественных товаров, кафе, концертными залами, интерактивными площадками для детей etc. Музей становится аттракцией, вовлекающей в игру с искусством, а создание пространства, вмещающее бесконечное разнообразие семиотических форм, становится условием для появления creative class³³. Кроме того, следствия-

³² Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов культуры // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 5. – № 5. – С. 101–114.

³³ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее культуры. – М.: Классика XXI, 2007.

ми высоких технологий стали: стиль hi-tech, новые возможности в кинематографии и фотографии, а также всем доступная «эстетика повседневности». Итак, с одной стороны, демонстрация «бескожих» экспонатов и «литературных одежд» выражает востребованную временем модель nobrow – унифицированного человека, возвышенного профана или продвинутого пользователя – модель, указывающую выражение *адаптивной функции* (блок 5) в реальности времени hi-tech³⁴. С другой стороны, принципиальное усложнение семиотического пространства, что, кстати, свидетельствует о взлете культуры, формирует модель человека, соответствующего критериям creative class, создающего мир hi-tech. Эта модель является еще одним проявлением *адаптивной функции* (блок 5). Но создание операторов социального действия – символов, новых стилей, технологий жизни etc. – является результатом кодирования новой структурности (блок 4), во всей четкости предъявляющей человеку сценарии жизни и дающей прогноз возможной самореализации себя, что вызывает действие *прогностической функции* (блок 3). Сценарии соответствуют иерархическим уровням генерируемой структурности. Можно сказать, что пути жизни человека проходят по «этажам» социума и настройка «социального лифта» между «этажами», которым подчинено образование в качестве социального института, диагностирует истинные идеологические цели переустройства. Так, пресловутый компетентностный подход настроен на требования рынка труда, а демократизация образо-

вания с унифицирующими стандартами и диверсификацией целей настроена на возвышение и облагораживание профана, для чего и нужно его развлекающее вовлечение в поле культуры. Атрибуты hi-tech – глобальное коммуникационное пространство, виртуализирующее все сферы бизнеса и повседневности, принципиально новые производства и профессии – обеспечили беспрецедентный темп обновления социальных сценариев и всеобщую устремленность в будущее. В этом «обществе мечты»³⁵ исчезает «ощущение края» и формируется убеждение, что «все возможно, стоит только захотеть». В принципе, это актуализирует биоэтику в качестве «защитного пояса» перед безоглядным конструированием человеком своей телесности и психики в угоду избираемым сценариям жизни. «Защитный пояс» традиции и обычая выражает результат *компенсаторной функции* (блок 6) как действия, смягчающего темп инноваций и создающего виртуальные пути возврата назад. В модели отражено место (блок 2), на котором происходит расхождение *компенсаторной* и *прогностической функций*. Здесь происходит *вербализация* того культурного кода, который фиксирует новая нормативность hi-tech: «быть продвинутым» и «устремленным в будущее». В подобном лексиконе, состоящем из слоганов, выражен культурный код эпохи hi-tech. Сам же код стал результатом социальных технологий (hi-hume), входящих в «группу поддержки» hi-tech и «штампующих» современный лексикон.

В модели все функции имеют двоякое направление: «к человеку» и «от человека», то есть к блоку 7 и от него. Рассмотренные функции (по направлению «к человеку») составляют спектр ориентаций социальных и гуманитарных подходов, акцен-

³⁴ Nobrow – буквально означает «безбровый», что выражает стирание грани высоколбой и профанной культуры: Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры. – М.: Ад Маргинем, 2005.

³⁵ Флорида Р. Указ. соч.

тирующих предметные области исследований. Это составляет методологический потенциал модели для проведения междисциплинарных исследований, что в некоторой степени демонстрирует пример с функциями hi-tech, представляющий «сборку» результатов, достигнутых в далеких друг от друга науках о человеке и обществе. Проведение такой методологической «сборки» раскрывает генезис в современной действительности парадокса *postmodernism*: в «обществе знаний» каждый человек – профан. Нарастающая сложность науки и технологий, конструирующих всю современную реальность, позволяет человеку, в том числе ученому и разработчику конкретных составляющих этих технологий, быть экспертом только в чем-то одном, оставляя даже образованного человека в беспомощности профана во всем другом.

Стрелки, направленные на семиотические формы культуры «от человека», указывают основные ориентации восприятия, что позволяет осуществлять антропологическую «сборку» фрагментов социокультурной действительности. Такой способ «сборки» выявит генезис второго парадокса: в обществе, предопределившем свое будущее, неопределенным становится прошлое. Тезаурус человека может не дать «услышать» вербализацию идеалов повсеместных инноваций и не дать понять новую нормативность коллективной мечты, а предлагаемые новой прогностикой сценарии жизни и способы адаптации к насаждаемой структурности жизни могут исключить человека из сообщества, разделяющего такую мечту. В графике модели отмечен путь компенсации для тех, кто не принимает диктат властной символики намеченного будущего. Это путь к жизни в стабильном прошлом. Существование же во времени настоящем, перенесенное в про-

странство памяти, начинает творить прошлое как миф. В действительности, как в «саду расходящихся тропок» Х.-Л. Борхеса, начинают одномоментное существование различные времена. Путешествие по траекториям, которые «разрешены» в модели однонаправленными стрелками между блоками и двунаправленным пунктиром функциональных связей, устанавливает единственный «запрет» на прямой «переход» от блока 1 к блоку 2 – от ненаследственной памяти к культурному коду. То есть началом траектории поворота к тем событиям прошлого, которые приобретают новую актуальность в дни настоящего, будет своеобразный пересмотр воздействий нормативной функции.

Мифы прошлого и настоящего дают утешительные иллюзии, но не оставляют надежд на обретение рациональных способов действия в трансформируемой реальности. Этот «сбой» в наследовании опыта прошлого в префигуративном состоянии современной культуры диагностирует биоэтика, поскольку ею актуализирован путь возврата к расхождению беспрецедентных возможностей hi-tech и отсутствию адекватных этических императивов. Пункт расхождения (блок 2) отмечает опасность перемещения интеллектуальных традиций, организующих жизнь, в воспоминания об их прошлой действительности, поскольку воссоздать успешную традицию в ее прежней эффективности пока еще не удалось.

Таким образом, есть два истока брэнности традиций культуры: утрата семантики кода в процессах хранения результатов сотворенного «устройством» культуры и утрата прагматики кода в процессах трансляции, организующих структурность жизни и воплощаемых в этой структурности. Воплощение в структурности – есть фиксация ак-

туальности той или иной традиции, а период жизни этой актуальности конечен. Он исчерпывается, когда перестает быть средством адаптации к вариативности будущего.

С этим выводом согласуется различие форм памяти, акцентированное М. Палатом. Память может выражать результат процесса «замораживания прошлого» (*блок 6*): «социальная память схожа с традицией и включает в себя много предписывающих, иногда священных атрибутов»³⁶, «память прошлое замораживает»³⁷ и, в принципе, «не является памятью вообще, так как никто не помнит действительно далекое прошлое»³⁸. Но память способна ощущаться не только как замороженный след прошедших событий. Ощущение «вечного настоящего» дает «коммуникативная память», поскольку постоянно переживается, запоминается и передается³⁹, что соответствует результатам процессов, относимых к *блоку 3*. Данному расхождению социальной и коммуникативной памяти предшествует фиксация наслоений идейных пластов, что представляет память как «неизменное ядро» – «память не совсем неподвижна, и новый опыт накапливается в качестве прибавления к неизменному ядру, которое не нацелено на будущее»⁴⁰. Коды (*блок 2*) «неизменного ядра» сохраняют группы, сплоченные этими формами знаков – образами «известных мест и случаев», как «вечными островами в морях изменений»⁴¹.

Действие критической функции составляет создавать методы ретроспективного воссоздания пути от некоего события в прошлом до переживаемого в на-

стоящем состоянии (*блок 4*), что воплощают различающиеся между собой способы истории-исследования, мнемистории⁴² и формирования памяти как основы коллективной идентичности⁴³. Способы диктуют программу действий (*блок 5*) – исследовательские программы или постоянное тиражирование модели поведения, принятой в определенной социальной группе. «Содержание памяти все время подтверждается, поскольку определяет идентичность группы»⁴⁴, для приобщения к этим группам необходим «трудный опыт, подобный обряду инициации»⁴⁵. Пересечение всех этих форм памяти и способов воссоздания прошлого с «человеком как получателем информации» (*блок 7*) выражает утверждение о том, что «только индивиды могут совершать акт воспоминания»⁴⁶.

Итак, если традиция перестает быть ориентированной на будущее, прекращает вбирать в себя возникающие в настоящем социальные цели и устремления человека, то ей уготовано одно назначение – «замораживать» настоящее, что делает брэнной ее актуальность.

В явном виде брэнность многих интеллектуальных традиций выявила биоэтика, что может подтвердить рассмотрение трендов биоэтики. Изначально биоэтика была ориентирована на нахождение некоего среднего пути, стыкующего множественность онтологий в построениях фундаментальных наук и философии, для обретения новой нормативности при решении экзистенциальных проблем, возникающих в медицинской практике и регулирующих

³⁶ Там же. – С. 58.

³⁷ Там же. – С. 61.

³⁸ Там же. – С. 56.

³⁹ Там же. – С. 57.

⁴⁰ Палат М.К. Указ. соч. – С. 61.

⁴¹ Там же. – С. 60.

⁴² Там же. – С. 68.

⁴³ Там же. – С. 60–61.

⁴⁴ Там же. – С. 64.

⁴⁵ Там же. – С. 64.

⁴⁶ Там же. – С. 57.

осуществление биомедицинских экспериментов (*блок 1*). Конкретность применения создавала видимость быстрого решения задачи, но обернулось новым измерением в обратной перспективе путей философских традиций и смещением акцентов в их актуализации, а также утверждением непреходящего значения множественности онтологий⁴⁷. Это же установило общенаучную актуальность решаемых биоэтикой проблем. Своеобразной фиксацией данного положения (*блок 2*) можно считать лаконичную формулировку «Биоэтика – существительное во множественном числе»⁴⁸. Семантика этого кода разделила все пространство биоэтических обсуждений на две части: «биоэтику для друзей» и «биоэтику для посторонних». «Друзья» – это группы, жестко объединенные приверженностью к определенной этико-философской традиции и/или научной парадигме, с позиции которых они призваны «искать решения встающих в биоэтике проблем»⁴⁹. Рамки парадигм и традиций образуют труднопреодолимые границы в поиске решений, а принадлежность «друзей» к сложившимся пределам позволяет отнести всю эту область биоэтического обсуждения к *блоку 6*. Но решения, «проверенные временем», дают сбои в осуществлении компенсаторной функции из-за вариативно сочетаемых в современном человеке интеллектуальных и моральных оснований. «Посторонние» – это сумма всей множественности сообществ, существующих в реальной социальной структуре. Нарастающее расслоение данной структуры влечет увеличивающуюся

дифференциацию социальных сценариев, сплетающихся в действительности *mass media*, что становится «точкой роста» толерантного отношения к каждому конкретному сообществу «посторонних» (*блок 3*). Это область, в которой наблюдается чрезвычайная подвижность границ нормы/патологии, искусственного/естественного etc. Скользящие границы создают конфликт интерпретаций, казалось бы, ясных принципов построения биоэтической экспертизы как гуманитарной технологии (*блок 4*); технологию, направленную на защиту индивидуальности в тех проявлениях, которые трудно было представить еще два десятилетия назад (*блок 5*). Биоэтика, ставшая формой защиты индивидуальности⁵⁰, столкнула позиции «друзей» и «посторонних». Столкновение в едином для них проблемном поле и совершение постоянного «*возвратного движения*»⁵¹ в биоэтическом диалоге вызвало стихийный поворот философской рефлексии, сделав биоэтику *способом прагматической концентрации философии для разрешения конкретной проблемы индивидуальности*.

Модель, раскрывающая информационный механизм социокультурной динамики, позволила разместить результаты, полученные в различных эпистемологических позициях, в близком соседстве. Этот метод превращения зон разграничений в области контакта стал основанием для выяснения условий брэнности интеллектуальных традиций – их необратимая трансформация из способа адаптации к неопределенности будущего в такой способ компенсации, который вариативно создает желаемое прошлое

⁴⁷ Тищенко П.Д. Указ. соч. – С. 20–23.

⁴⁸ Слова Тристрама Энгельгарда-младшего цитируются по указанной книге Тищенко П.Д. – С. 230.

⁴⁹ Там же. – С. 232.

⁵⁰ Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. – 2009. – № 10. – С. 94–99.

⁵¹ Тищенко П.Д. Указ. соч. – С. 8.

и настоящее, то есть делает традицию способом манипуляции памятью.

Вавилонская башня как пространство жизни

В современной нам действительности наука и социальные технологии заменили мудрость и традиции. Общество, основанное на знании и преуспевающее в его создании, сделало действительностью конструирование человека человеком. Осуществление этих гордых устремлений напоминает проект Вавилонской башни. За ее строительство люди были наказаны многоязычием и разобщенностью. К сегодняшнему времени срок наказания истек, поскольку люди обрели единое пространство общения – Интернет, объединяющий способ понимания – науку, общий способ действий – технологию и сплачивающее всех ощущение мечты. Это нарастающее однообразие, которое по нынешнему замыслу становится еще и планируемым местом обитания человека, является самой значительной угрозой для устойчивости и жизнеспособности всех культур. Пока нам остается только разнообразие памяти о пережитом в прошлом. Пока еще остается... Но увлеченность этим строительством свидетельствует о конечности срока действия, которой обладают память, идеи и уроки прошлого.

Наиболее значимые трансформации, пройденные и пережитые за последнее столетие, оставили свои следы в качестве траекторий философских поворотов. Эти повороты в первом приближении означают новые стратегические направления философских исследований, вызванные выявлением проблем, беспрецедентных для философской традиции, что заставляло проводить критическую ретроспекцию всей традиции,

в которой устанавливались некоторые «пробель», а их устранение приводило к участию философии в междисциплинарных решениях прикладных задач и к всплеску своеобразных дисциплинарных делений философии. По перечисленным признакам В.В. Савчуком проведена диагностика поворотов, дан их перечень в следующем порядке: онтологический поворот, лингвистический поворот, иконический поворот, медиальный поворот и антропологический поворот⁵². Безусловно, совершенные повороты данным перечнем не исчерпываются. Но данное их перечисление обнаруживает чрезвычайную близость с траекториями, которые вычерчивают действия функций в рассмотренной модели. Траектория нормативной функции соответствует интенциям онтологического поворота; траектория вербальной функции – интенциям лингвистического поворота; траектория прогностической функции на стадии трансляции информации – интенциям медиального поворота; траектория критической функции на стадии создания символа как оператора социального действия – интенциям иконического поворота, а адаптивная функция, заложенная в воздействиях множественности программ поведения человека, – антропологическому повороту. При этом абриса своего поворота «не находит» воздействие компенсаторной функции, раскрывающей влияние наследия и памяти культуры. Именно эта линия разрыва между актуальностью настоящего и прошлого служит основанием для обнаружения места для совершения *memory turn*. Это поворот к тем событиям в интеллектуальной истории, которые не стали началом традиции, но способны в современном их вос-

⁵² Савчук В. Что значит метафора поворота философии? [Электронный ресурс]. Статья размещена 23.03.2011. – Режим доступа: <http://o-karina.livejournal.com/15458.html>

приятно стать алгоритмом для создания операторов будущего.

В современном знании, пожалуй, только биоэтика сосредоточивает свои усилия не на воссоздании традиций, а на их влечении в действительность. Секрет уникальности биоэтики в том, что она нацелена на принятие человека таким, как он есть, без излишних хлопот о его возвышении или разоблачении. Изначальная толерантность и направленность на защиту индивидуальности позволяет биоэтике без предубеждений оценивать слабости традиций настоящего и предпринимать попытки для выполнения этического дефицита в обращении к опыту прошлого, который не стал традицией и не был отмечен в кодах культуры, поскольку не был в те времена актуальным. Это прочтение опыта прошлого, переведенного на язык настоящего, для понимания перспектив антропологического будущего делает биоэтику формой самознания современной культуры.

Литература

Пенсон Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес / пер. с англ. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Клязьева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомпыры. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. – Пушкино: АН СССР, 1991. – 200 с.

Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука. Физматлит, 1998.

Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов культуры // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 5. – № 5. – С. 101–114.

Мелик-Гайказян И.В. Диагностика memory-turn или биоэтическое измерение проблем

профессионального образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 244–247.

Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. – 2009. – № 10. – С. 94–99.

Мид М. Культура и мир детства / сост. и предисл. И.С. Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

Палат М.К. История и память // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 56–69.

Пригожин И.Р. От существующего к возникающему / пер. с англ. – М.: Наука, 1985. – 328 с.

Пригожин И.Р., Стенгерс П. Время, хаос, квант / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.

Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры / пер. с англ. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 302 с.

Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. – СПб.: Мирь, 2011. – 328 с.

Уайтхед А.Н. Процесс и реальность / сост. И.Т. Касавин; пер. с англ. // Избранные работы по философии – М.: Прогресс, 1990. – С. 272–303.

Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие / пер. с англ. – Томск: Водолей, 1999. – 64 с.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее культуры / пер. с англ. – М.: Классика-XXI, 2007. – 430 с.

Юдин Б.Г. О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 16–28.

Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать быбью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 4. – № 5. – С. 7–19.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Савчук В. Что значит метафора поворота философии? [Электронный ресурс]. Статья размещена 23.03.2011. – Режим доступа: <http://okarina.livejournal.com/15458.html>